

По моему мнению, у издевательств есть причины. Глумление над человеком всегда происходит по конкретному поводу. Причем вполне достаточно тривиального, вроде не пришедшего по душе поведения или характера, – по крайней мере, для агрессоров так точно. И очевидно, тот, над кем издеваются, не примет ни одну из причин. Но обоснование всегда найдется, неважно, хороший они нашли предлог или нет... И такое зло, подкармливаемое найденным единожды оправданием, будет расти бесконечно.

В случае нашего класса именно та сторона, подвергаемая издевательству, оказалась неправа.

Яно Сацуки взвалила свои же обстоятельства себе на плечи.

Я знал Яно еще со второго года обучения. Глупая, неуклюжая, излишне громкая и со странной манерой речи – Яно высмеивали за спиной парни и некоторые из девушек. Но в то время дальше перешептываний не заходило. Одноклассники знали о существовании здравого смысла и не стремились беспричинно переходить к издевательствам.

Но в середине второго года обучения этот самый здравый смысл поглотил праведный гнев, когда одним поступком Яно перешла черту.

На тот момент для нее было в порядке вещей грубо нарушать чье-то личное пространство и получать отпор. Это своего рода договоренность между Яно и одноклассниками. Однако один человек был исключением.

В тот день она по какой-то причине – о которой я никогда не узнаю – подошла к парте нашей одноклассницы Мидорикавы Футаба, хотя сама ни в жизнь к ней не приближалась. Я не знал про их взаимоотношения, но подумал, что ничем хорошим это не закончится. Для Мидорикавы вполне нормально не проявлять себя в разговоре до тех пор, пока к ней не обратятся напрямую. Но в случае Яно, которая не сказала ни слова, это означало ужасную социальную осведомленность, ну или что-то такое.

Только предположение оказалось далеким от истины. На самом деле Яно проявила неприкрытую враждебность к Мидорикаве. Может, она ненавидела ее из-за всеобщей любви к ней, хотя та никогда не была болтливой, в отличие от Яно, пытавшейся заговорить со всеми.

Какая бы у нее не была причина, Яно внезапно подошла к парте Мидорикавы у окна, выхватила книгу, которую она читала, открыла окно и выкинула ее во двор. В тот день шел дождь. Я помню тот момент идеально, вплоть до расположения парт. Сидящая позади Мидорикавы Игучи на несколько мгновений оцепенела.

Возможно, та девочка, что стала целью для Яно, также была по-своему неправа. Мидорикава считалась одиночкой в классе и редко проявляла на лице эмоции. Но после этого поступка она стала плакать. Не упрекнула Яно... а просто разрыдалась. Позже мы выяснили, что та промокшая насквозь под ливнем книга была очень важна для нее.

Только вот важность этой книги для Мидорикавы мы узнаем именно что позже. Яно не стала конкретно по этой причине злодеем в наших глазах, и не из-за этого наше отношение к ней столь жестоко.

Она улыбалась. Когда Мидорикава рыдала, Яно стояла прямо перед ней и самодовольно ухмылялась, даже не пытаясь извиниться. Кстати, с того дня Мидорикава никогда больше не притаскивала книги из дома; теперь она брала их из библиотеки, что еще сильнее подстегнуло нас.

Всякий раз смотря на классную грушу для битья, я всегда думал об одном: насколько отвратителен ее характер. Более точного слова для описания не найдется.

Будь она хоть немного лучше, не подверглась бы издевательствам. Такова была первая моя мысль при виде этой девушки на следующий день, чистящей свою парту. Вчера случилось то же самое. Теперь я знал, что с ее партой. Ее покрывал слой тертого мела.

— Я слышал, монстр не появился прошлой ночью.

Касай излучал энтузиазм, но я отвечал ему с поднятой настороженностью, пока мы шли по коридору. Очевидно, подумал я. Прошлой ночью я сразу направился в школу, а затем в одиночестве провел время на пляже.

Мы стояли посреди коридора, напротив лаборатории, и я притворялся глубоко заинтересованным в истории о монстре, поэтому задал жизненно важный вопрос:

— Кто-нибудь заснял его на телефон или что-то?

— Засняли.

Не дав своему сердце выпрыгнуть из груди, я ответил простым:

— Воу, круто.

— Пытались, правда. Но он не попал ни на один кадр. Так что я не поверил.

Я взмолился, чтобы он потерял всякий интерес. Но мне стал любопытен тот факт, что не удалось запечатлеть мою монструозную форму. Я вдруг вспомнил Помпоко и план духов в мультфильме. Как бы то ни было, для меня это только преимущество. Если у меня был иммунитет на попадание в кадр, то я мог творить, что вздумается.

Когда мы вошли в лабораторию, наш добродушный учитель естествознания уже выписывал что-то на доске. Я последовал за Касаем и занял место без всяких приветствий. В лаборатории не действовал порядок мест, как в нашем классе. Мы сидели в группе по шесть человек за длинными рядами столов. Я расположился в ряду «А», ближайшему к двери. Мое место окружали шумный Касай и компания позади.

Мне не особо нравились наши занятия в лаборатории. Остальные пятеро учеников в моей группе не из тех людей, что выделяют или создают проблемы. Я по большей части наслаждался их компанией. Покуда я вынужденно исполнял роль лидера нашей группы, занятие протекало гладко.

Конечно, такая расстановка мест все равно была лучше, даже если учитывать класс целиком, а не только меня.

Касай что-то громко сказал или, может, обратился ко мне, но, когда я ответил, его взгляд скользнул ко входу в лабораторию. Я повернулся, чтобы самому узнать, кто вошел, но затем вернулся к разговору с Касаем.

Через вход медленно вошла Мидорикава. Как всегда, с собой она несла исключительно необходимое для занятия и книгу из библиотеки. Ее место располагалось возле окна - она состояла во второй группе с конца. За столом уже находился Мотода, приложившись к нему щекой и посапывая. Мидорикава села по диагонали от него, открыла тетрадь и учебник, а

потом книгу из библиотеки. Она сидела, как всегда, поддерживая осанку.

Вскоре прозвенел звонок. Учитель провозился некоторое время с доской и повернулся к нам.

— Давайте начнем, — сказал он с улыбкой.

Тут же от классного представителя раздалось:

— Всем встать!

И когда мы встали, в тот же момент – как будто заранее спланированный – у передней двери послышался дребезг, а затем она слегка задрожала. Я не был поражен... ведь уже предполагал подобное и оставался настороже. Последний вошедший всегда запирает дверь, хотя на это не было ни необходимости, ни причины.

С читаемым раздражением на лице учитель указал девушке, сидящей рядом с дверью, отпереть ее. Та послушалась и незаинтересованно сделала все, что от нее просили.

По другую сторону стояла Яно; она быстро моргала. Не говоря ни слова, она быстро пошла к своему месту. Меловая пыль накрыла ее волосы, но она, казалось, этого даже не замечала.

А в лаборатории в каждом сердце, за исключением учителя, пробежался холод. По кабинету раздавались шлепки по полу от обуви Яно, и пока она не дошла до своего места, все молча стояли и смотрели вперед.

Когда прозвенел второй звонок для учителя, напряженная атмосфера рассеялась. Я не смотрел в сторону Яно, но она, скорее всего, все также улыбалась. Она сидела за тем же столом, что и Мидорикава.

Именно Яно в этой ситуации считалась нарушителем спокойствия, поэтому в ее презрении не было ничего необычного. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

Оставалось только догадываться, что испытывала в данный момент сама Мидорикава. Она ведь никогда не выказывала свои эмоции на лице. То, что она ничего не сказала, заставляло нас беспокоиться – может, ей совсем не нравится такое распределение мест. И это еще сильнее подбивало враждебность к Яно.

Она, наверное, опоздала из-за навалившейся дремоты в двадцатиминутную перемену. Ее всегда можно было обнаружить привалившуюся в тихом месте. Я знал, почему она не высыпается, но не намерен высказывать что-то в ее защиту. В конце концов, она сама себе на уме.

Начало занятия, наконец, отвлекло меня от раздумий насчет Яно, но, когда я и лидеры остальных групп раздавали распечатки по местам, она вскочила и понеслась к передней части класса. Подумалось, ей не выдали материал, но на самом деле она забыла тетрадь и попросила у учителя разрешение пойти и взять ее.

Учитель ответил вялой отговоркой:

— На сегодня у нас уже нет времени, так что попроси соседа.

Яно ничего не сказала и просто направилась к столу с удовлетворенной улыбкой на лице. Занятие началось без ожидания ее возвращения на место. Я смотрел прямо на доску. Не стал

оборачиваться. Ведь даже не глядя я мог представить в голове, что там происходило. Мне не требовалось подтверждать это своими глазами.

На естествознании одно из самых замечательных вещей то, что, наверное, за все занятие наши с Яно взгляды ни разу не пересекались. Да, я не мог ничего поделать с шумом позади себя, но с этим ничего нельзя было сделать.

— Перестань, — предупредил я рядом сидящую девушку.

Та не отрывала взгляда от сцены позади, полностью поглощенная вниманием шума. Из-за оклика Игучи, возможно, поняла, что остальные также могли заметить, как она таращилась назад, поэтому ее взгляд моментально перенесся к листу спереди. Меня охватило облегчение тем, что она не станет притягивать к себе еще больше внимания.

Положение Яно в классе обуславливалось как отношением к ней одноклассников, так и самой Яно, но среди учеников некоторые не проявляли к ней активную враждебность.

Игучи была как раз одной из них. В отличие от Яно, она направляла свое дружелюбие ко всем - добрая девочка, щедрая на улыбки всем. Она хоть и пыталась скрыть это - мудрое решение, надо сказать, - я знал: ее взгляд всегда приковывался к Яно, когда над ней издевались, в беспокойстве, как бы ребята не перестарались.

И тем не менее Игучи была на стороне класса. Обычно я игнорировал Яно, но не мог не заметить нервное выражение лица Игучи. Говоря начистоту, ей однозначно стало бы легче, если кто-нибудь присоединился бы к ней. Эта неуверенность - причина тонны стресса. Но не то чтобы меня это должно касаться.

Занятие протекало как обычно, без инцидентов. Если что-то происходило вне поля моего зрения, значит мне о нем знать также было необязательно. От меня требовалось только сидеть с членами моей группы и сосредоточиться на изучении наследственности.

В таких ситуациях не все выходит из-под контроля. В самом худшем случае могло что-то случиться с вещами, или слегка страдали люди. Как правило, в нашем классе промокало или портилось то, что принадлежало Яно. Она также могла пораниться, но в этом плане все происходило по чистой случайности, только из-за ее неуклюжести. Ничьей вины в этом, кроме ее, не было. Никакого насилия.

Одноклассники достаточно умны, чтобы раз и навсегда понять это.

Но вот после окончания урока произошло нечто, что нельзя назвать «несчастливым случаем». Это словосочетание слишком громогласно. Просто ситуация немного вышла из-под контроля, не более того.

Яно шла по коридору в нескольких метрах от меня спереди по пути в класс. Между нами шли в этом же направлении другие ученики. Это расстояние не было случайным. Я слегка замедлился, чтобы вновь не натолкнуться на нее, и тогда никто не станет говорить, будто я ее пнул. Пока что план продвигался успешно. Меня вполне устраивала та дистанция, что была между нами.

...И поэтому я ослабил бдительность.

Я болтал на тему одного ТВ шоу с парнями. Яно чем-то жонглировала в руках, но оно выпало. Трехцветный - синий, черный и белый - предмет напоминал стерку.

Эту сцену я видел краем глаза. Тихо, но с моих уст слетело одно восклицание: «О». Это не хорошо. Мой голос привлек внимание остальных.

Яно не стала поднимать ее. В этом не было необходимости.

Уверен, какого-то особого смысла она в свой поступок не вкладывала, но...

Это была Игучи.

Стоя чуть в стороне от группы девушек, Игучи оказалась позади Яно. Может, ненамеренно, а может, рефлекторно, она подобрала стерку с пола.

«Не делай этого!», – мысленно крикнул я, но уже поздно ее останавливать.

Игучи, похоже, сама оцепенела. Она, быть может, только-только поняла, что сделала. Она зафиксировала свой взгляд на Яно и застыла на несколько секунд.

Игнорирование кого-то подобно привычке или традиции. В начале требуется поступать так намеренно, но затем все происходит так естественно, будто человека вовсе не существовало. Постепенно тело окончательно переставало воспринимать реальность, становясь второй натурой.

Игучи же еще не приобрела привычку игнорировать Яно. Напротив – она была под властью другого рода бзика: простой вежливости. Она подбирала все, что другие роняли. Таков результат ее добросердечности, естественного человеколюбия, благодаря которому подобные поступки исполнялись также легко, как дыхание.

К сожалению, это привело ее к тому, что она подобрала упавшую перед ней стерку.

Игучи застыла; они с Яно смотрели друг другу в глаза. Невольно я остановился.

Яно по-дурацки потянулась правой рукой к Игучи и оживленно прошептала:

— Спаси...бо!

Затем она взяла стерку из ее ладони, повернулась и ушла.

Девушки из нашего класса, стоявшие позади Яно, уставились на них двоих. Их взгляды будто были направлены на таракана. С моей позиции я не мог разглядеть выражение лица Игучи, но мне не пришлось долго раздумывать над причиной ее следующих слов, сказанных тонюсеньким голоском:

— Все не так.

На коридор опустилась тишина... краткосрочная отсрочка для оправдания. Однако она не вымолвила ни слова. Наверное, не могла подобрать правильные.

А затем заклинание прервалось. Время вновь пришло в движение. Девушки пошли к классу, весело перескакивая с одной темы на другую, и мы следовали за ними. Яно, как всегда, шла в своем темпе. Она продолжила жонглировать вещами в руках, несмотря на бесчисленные неудачи.

Игучи так и стояла, оставленная всеми позади.

Я гадал, все ли с ней будет в порядке.

К несчастью, мое беспокойство не означало, что я заиклюсь на ней.

Школьный день закончился. Яно, как всегда, покинула класс, бросив свое: «Пока все...м», не остановившись, чтобы переговорить с кем-то.

После этого девушки из нашего класса окружили Игучи.

Они зашли в конец класса, так что я не мог ничего расслышать. Однако я знал, что она яростно старалась все отрицать голосом с надрывом, будто сейчас разревется.

Все точно пошло наперекосяк, посчитал я, пока готовился уйти. Она облажалась.

Не собираясь вступать между девушками или делать что-то умное, я собрался выйти из класса вместе с Касаем и остальными.

Тот склонил голову набок сразу, как только мы прошли по коридору мимо другого класса.

— Игу-чан натворила чего?

Точно, Касая в тот момент не было рядом.

— Игучи случайно подняла то, что обронила Яно, — объяснил я, пытаюсь всеми правдами и неправдами надавить на невиновность Игучи.

— Мерзость! Вши Яно! — рассмеялись другие ребята.

Уголки рта Касая опустились.

— Что, серьезно?

Казалось, он был недоволен. Предположу, что не из-за сделанного Игучи, а упоминания Яно. Вскоре мы дошли до наших шкафчиков для обуви, а его темперамент сменился.

— О, кстати, — сказал он с видом, словно вспомнил о чем-то гораздо более интересном. — Хочешь поглядеть на комнату клуба по бейсболу?

— Клуба по бейсболу? Зачем?

На мой откровенный вопрос Касай засмеялся.

— Что такое? Мне думалось, это ты мне рассказал про него, Аччи. Хотя, может, я и ошибаюсь. В любом случае в клубной комнате разбилось окно. Прошлой ночью.

— Прошлой ночью?

— Ага, видимо, кто-то швырнул камень в него, типа пранк.

Ночь. Пранк. Окно клубной комнаты.

Быть не может. Нет, это невозможно.

— Хм, чего ты такую мину сделал, Аччи? Преступник - ты?

Отрезвленный ухмылкой Касая, я быстро скорчил недовольство на своем лице.

— Черта с два. Мне просто интересно, насколько тупым был нарушитель.

Зловещее предчувствие распространилось по телу. Такое ощущение, будто я знал этого глупого преступника. Ее не было в классе прошлой ночью, когда появился я.

Она правда ходила только лягушку хоронить? Или по пути предприняла попытку мести?

Я изрядно разнервничался, хотя без какой-либо причины. Мы сменили обувь на спортивную и пошли проверять комнату бейсбольного клуба.

Она примыкала к комнатам футбольного клуба и клуба регби, которые делили между собой широкое поле для спортивных занятий. На дистанции они выглядели просто массивными блоками. Подойдя ближе, мы заметили в оконной раме кусок картона. В этот момент к нам вышел член клуба, к счастью, оказавшийся другом Касая. Мы окликнули его, и он пояснил, что представитель клуба утром распорядился поместить туда эту картонку.

Наш энтузиазм как ветром сдуло – хотя не то чтобы мы шли туда с превеликим ожиданием, – поэтому мы решили направиться домой. По пути мы прощались с одноклассниками, получая в ответ заготовленные фразы: «До встречи», «Увидимся» или «Ага, давайте». Но как только мы пересекли ворота, наши глаза тотчас остановились на миниатюрной девушке, выходящей с опущенной головой.

Ее дух надломился. Других слов для описания ее состояния не было. Пока я подумывал, как обратиться к ней с мыслью о взглядах других девушек на нее, Касай махнул рукой.

— Увидимся, Игу-чан!

Услышав оживленный голос Касая, Игучи слегка подняла голову и улыбнулась, ответив простым: «Да, увидимся». А это в свою очередь означало тотальное опустошение.

Слабый намек на улыбку разбивал сердце.

Касай был себе на уме. Он снова замахал рукой.

— До встречи!

Будто он не знал о случившемся ранее. Тем временем странная улыбка Игучи углубилась еще сильнее.

Мы немного прошлись, и тогда я обратился к нему:

— Тебе не следовало так беспокоиться за нее.

Касай в ответ рассмеялся.

— Игу-чан не стала подружкой той девчонки.

«Если бы я только мог быть таким же, как Касай», – подумал я. Но, в конце концов, я все равно ничего не сделаю.